

Подъезды

У меня в руках белый пакет с логотипом книжного магазина. А еще у меня несколько жизней. Не верите? У меня много жизней. На Холмогорова девять, на Ленина тридцать, на Пушкина двенадцать, и даже в доме у цирка. Я приношу книги в пакетах, а уношу разговоры без пакетов. Одни жизни короче других. Одни жизни населены равнодушными ко мне людьми «здравствуйте-спасибо-до свидания», а другие...

В квартире сорок девять живёт девушка Нина, а я живу якобы где-то этажами выше, может, на крыше, как Карлсон. Я сам так придумал, что никакой я не десятиклассник, подрабатывающий курьером, а ее сосед. Когда старичок из пятидесят первой заказывает книги, я всякий раз сначала звоню в сорок девятую. И мы с Ниной болтаем в подъезде.

- В том году был стеклянный ноябрь. Я кутался в воротник, и это было как будто большая кошка обнимает тебя за плечо.

- Люблю. - Нина улыбается мне одним краешком губ. Она часто так разговаривает - вставляет точку в середину предложения, как будто так и надо.

- Что любишь?

- Когда ты говоришь что-то такое - про кошку, про плечо. Опять книг накупил? И что там? - заглядывает в пакет.

- А там: два Кортасара и один «Паром в Танжер».

- Коричневые книги, - заключает Нина. - Коричневые хорошо смотрятся на стеллаже. Я проверяла. Они как будто бы умные. В отличие от красных, например.

- Я знаю красного «Евгения Онегина».

- Вот видишь.

- Ты не разбираешься в Евгениях.

- У меня одноклассник Евгений - не советую. Мне пора, сейчас придет мама, а чайник холодный.

- До следующего Кортасара?

- Мне нравятся. - Она опускает глаза, зашторив их густо накрашенными ресницами. - Мне нравятся зеленые книги, но тебе это не грозит. Ну, пока!

Я наблюдаю, как она в домашних тапочках взлетает на полпролета выше, к своей квартире. Распушенные пшеничные волосы блестят в мигающем свете неисправной лампы. Поднимаюсь на полтора пролета выше, чтобы сунуть пакет с книгами адресату в пятьдесят первую квартиру. В этом девятиэтажке - одна из моих жизней, она невидимая, как и все жизни. И я машу ей рукой «до встречи», а сам выхожу в солнечный прямоугольник улицы.

Через три недели я снова у сорок девятой. Что же ты, дедушка из пятьдесят первой, так редко книги стал заказывать? Ведь читать - полезно. Я звоню в Нинину дверь.

- Я написал вчера песню.

Нина молчит. Наверное так и надо встречать песни - молча. Я смотрю на нее, а у нее, оказывается, карие глаза. Никогда бы не подумал.

- Не хочешь послушать мою песню?

Она смотрит в окно. Мы всегда разговариваем у окна подъезда.

- Ты сочинил ее не для меня, - выдыхает Нина.

- А для кого?

«Для кого» - у меня пересыхает горло.

Нинины карие глаза - как два больших острова в молочном океане. Нина смотрит мне в глаза, и вряд ли она тоже думает, что мои глаза - два больших острова в молочном океане. Она всегда смотрит так, словно между нашими глазами прямая линия. По которой из точки А в точку Б выехал взгляд со скоростью сорок километров в час, не меньше.

Она отводит взгляд.

- Я не знаю, для кого ты сочинил песню. Но ты сочинил ее не для меня. Я и книги не читаю по той же причине.

- Их писали не для тебя?

- Я читаю только сообщения. И номера машин. Если собрать все сообщения и номера машин, которые я прочитала, то получится книга о моей жизни.

- Я написал песню, в которой нет музыки. Она не должна петься, понимаешь? Она живет только в виде слов.

Нина смотрит на ветки, медленно покачивающиеся из стороны в сторону за грязным стеклом окна.

- Это хорошая песня. Песня без музыки - очень скромная и неприязательная песня. Я уже ее люблю.

- Послушаешь?

Нина долго молчит. Потом произносит:

- Что-то давно тебя не было. Я даже поискала немного. Звонила в квартиры с незнакомыми мне жильцами. Тебя нигде нет. Тебя нет здесь, ты здесь не живешь. Чего ты молчишь?

Я немолчу:

- Твои глаза - карта потерянной местности, там дома и деревья, и реки-моря. Твои глаза - пятно неизвестности, я хотел бы быть там, но...

Она перебила меня какими-то словами. Выключила воспроизведение моей песни. Нажала «стоп».

Ее слова снова цеплялись за мои, как и во всех наших разговорах о кошках, плечах и кортасарах. А потом я ушел, чуть не забыв занести книги дедушке-книголюбу. Он мне сморщено улыбнулся «спасибо».

Больше дедушка из пятидесят первой не заказал ни одной книги. Может, он бросил читать?

- Такое не бросают, - сам себе ответил я.

Нину я больше не видел, хотя мог бы прийти и без книг.

У меня много жизней - на Ленина тридцать, на Пушкина двенадцать, и даже в доме у цирка. Что ж, очередная наша жизнь ведь не спрашивает, оборваться ей или нет, правда?